

Е. В. Булатая

**ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
КАК МАРКЕР АКТУАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Ирония рассматривается как самостоятельная текстовая категория, содержащая в себе авторскую оценку и служащая реализации прагматических установок автора в художественном тексте. Определяются потенциал и функции вставных конструкций как синтаксического маркера актуализации иронии в произведениях Н. В. Гоголя, выявляются оценочные категории, в которых реализуются прагматические установки автора.

25

This article considers irony as an independent textual category containing the author's judgement and facilitating the expression of the author's pragmatic attitudes in a literary text. The study investigates the potential and functioning of parenthesis structures as syntactic markers of irony in Nikolai Gogol's works. The assessment categories used to express the pragmatic attitudes of the author are identified.

Ключевые слова: ирония, авторская оценка, прагматический потенциал иронии, вставные конструкции, художественный текст.

Keywords: irony, author's judgement, pragmatic potential of irony, parenthesis structures, literary text.

Как известно, изучение иронии в современной лингвистике не сводится к рассмотрению ее только в качестве тропа или стилистического приема [1; 2; 5; 17; 21], а, напротив, направлено на исследование ее как самостоятельной категории, полноправной формы комического [15, с. 9], компонента стиля или идиостиля автора [4; 8; 9; 13; 14], имплицитной формы выражения авторской модальности [3]. Рассмотрение текстовой реализации иронии как одного из направлений изучения данной категории в лингвистике позволяет раскрыть ее прагматическую составляющую, описать аксиологический потенциал, а анализ текстового окружения, в котором возникает и функционирует ирония, дает возможность выявить средства и механизмы актуализации иронического смысла, условия декодирования и интерпретации иронии.

Интерес представляет исследование прагматической направленности иронии в тексте художественного произведения (см. об этом подробнее: [6; 7; 10; 21]), поскольку «всякий текст художественного произведения по своей природе двойствен: он конкретен и неопределен» [5, с. 48]. Ирония, являясь имплицитной формой авторской модальности, несет в себе скрытую субъективную оценку, непосредственно зависящую от интенций и установок автора, функция которых заключается

в воздействии на адресата художественного текста. Кроме того, будучи категорией, содержащей имплицитную информацию как особую смысловую нагрузку и способствующей реализации авторских прагматических установок, ирония служит «углублению смысловой структуры текста и придает особый эстетический заряд произведению» [16, с. 7]. Уточняя вышесказанное, отметим, что, «критикуя то, что считается несовершенным, иронически говорящий активно воздействует на окружающих, на их образ мысли и на линию их поведения» [6, с. 11]. В аспекте реализации прагматических установок автора ирония выполняет широкий спектр функций. Так, по мнению Б. А. Гомлешко, ирония реализует функции оптимизации межличностных отношений между ироническими говорящими, опровержения, мотивации, урегулирования разногласий, интимизации отношений и саморегуляции [6, с. 11 – 13]. При этом, с точки зрения В. В. Чумака, ирония как прагматическое явление направлена прежде всего на «намеренную передачу говорящим неискренности по отношению к осуществляемому им речевому акту» [21, с. 7], а одной из важнейших прагматических функций иронии выступает функция высмеивания, реализуемая в различных видах иронической насмешки, варьирующейся от доброжелательно-шутливой до презрительной (см. подробнее об этом: [21, с. 22]). Прагматические функции, которые может выполнять ирония в определенных ситуативных (контекстных) условиях, вербально воплощаются в различных средствах репрезентации иронии в тексте, при этом формами авторской иронической оценки на прагматическом уровне выступают иронические сожаление, возражение, утешение, оправдание, удивление и др. (см. подробнее об этом: [10, с. 8]).

Вместе с тем прагматическая составляющая иронии является своего рода предпосылкой понимания адресатом иронического смысла в художественном тексте, заключая в себе «исходные предположения, которые делает говорящий относительно состояния осведомленности слушающего» [7, с. 16]. Причем адекватное понимание реципиентом устремлений и интенций адресанта становится важнейшим условием правильного осознания иронического смысла высказывания, при этом немаловажное значение отводится контекстуальным условиям функционирования иронии и непосредственно фоновым знаниям адресата.

Акцентируя внимание на прагматической составляющей иронии, представляется закономерным обратиться к основным средствам реализации иронического смысла, то есть к тем индикаторам, которые указывают на присутствие иронии в контексте. В этом аспекте, придерживаясь мнения исследователей-лингвистов [9; 14; 15; 18], мы выделяем группы средств актуализации иронии в соответствии с различными уровнями языка. Важное место среди них отводится средствам реализации иронии на синтаксическом уровне, поскольку, по справедливому замечанию А. П. Сковородникова, «именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» [19, с. 155].

Одним из маркеров иронии на синтаксическом уровне выступают вставные конструкции, которые выполняют в художественном тексте роль дополнения, пояснения или замечания по отношению к содержанию определенного смыслового отрезка (целого текстового отрывка, одного или нескольких предложений, словосочетания или отдельного слова). В соответствии с функциональной направленностью вставные конструкции подразделяются на три основных типа: 1) вставки, выступающие в уточняюще-пояснительной функции; 2) вставки, передающие дополнительную информацию; 3) вставки, выполняющие эмоционально-экспрессивную и эмоционально-оценочную функции [11, с. 89]. Заметим при этом, что ироническое смыслопорождение посредством вставных конструкций может происходить различными способами: иронический смысл актуализируется непосредственно в самой вставной конструкции; ирония возникает вследствие взаимодействия содержания вставной конструкции с текстом, который она поясняет или дополняет, а «сама неожиданность появления определенных фактов или оценки повествователя может создать иронию, позволяющую взглянуть на ситуацию под другим углом зрения» [10, с. 166]. Таким образом, выражая модально-оценочные значения, вставные конструкции способствуют демонстрации авторской оценочной позиции в произведении, которая, однако, не представлена явно и требует декодирования и интерпретации ее читателем.

Рассмотрим прагматическую составляющую и функциональную направленность вставных конструкций, а также способы иронического смыслообразования на примере произведений великого русского классика, признанного мастера иронии Н. В. Гоголя.

Прагматические функции вставных конструкций в произведениях Н. В. Гоголя разнообразны. Так, например, насмешливый тон в нижеприведенном контексте из поэмы «Мертвые души» получает авторская похвала персонажей, а вставная конструкция выполняет функцию пояснения, авторского иронического замечания:

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндю и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий... В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (*до такой степени дошла тонкость вкуса*)¹ [23, с. 198].

Актуализация иронии с помощью вставной конструкции *до такой степени дошла тонкость вкуса*, в которой словосочетание *тонкость вкуса* (*тонкий* — «имеющий изысканный, утонченный вкус, запах и т. п. (о пище, питье и т. п.)» [26, т. 4, с. 380–381]) указывает на изысканный стиль женских нарядов, базируется на возникновении диссонанса между смыслом этой вставки и конкретным содержанием приведенного отрывка. Таким образом, в результате переосмысления значения встав-

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Е. Б.

ной конструкции происходит декодирование истинной прагматической установки автора, направленной на высмеивание безвкусицы и нелепого подражания дам на балу новым веяниям моды.

В другом отрывке из поэмы «Мертвые души» прагматическая установка автора приобретает оттенок презрения и негодования. Вставная конструкция выполняет роль меткого замечания, своего рода вывода на основании содержания предыдущего контекста:

— Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет... — здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: — Это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек! — *Он был в арифметике силен* [23, с. 162].

28

Вставная конструкция *он был в арифметике силен*, содержащая замечание о развитых способностях Чичикова к математическим вычислениям, служит разоблачению алчности и расчетливости этого персонажа: его умение быстро производить вычисления сводится к подсчету денег, вырученных за продажу мертвых душ.

Схожая прагматическая установка автора реализуется и в отрывке из повести «Нос»:

Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть (*из этого коллежский ассессор мог видеть, что частному пристава были безызвестны изречения древних мудрецов*) [24, с. 49].

Авторская ирония в приведенном отрывке направлена на критическое изобличение лени чиновника, что искусно подчеркивается использованием вставной конструкции. Ироническое смыслопорождение основано на столкновении смыслов вставной конструкции, выступающей в роли меткого замечания, и предшествующего ей контекста: знание чиновником изречений древних мудрецов востребовано в связи с его нежеланием работать после сытного обеда. Ироническая оценка автора базируется на реализации его прагматической установки — осудить и высмеять нравы чиновников, их нежелание качественно исполнять должностные обязанности.

Следующий пример показателен тем, что вставные конструкции в нем являются пояснениями, которые неожиданно открывают новые ситуативные условия восприятия информации в основном тексте:

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (*которым, не мешая между прочим заметить, мало было нужды до красоты*), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (*конечно, если дьячихи не было дома*), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз [22, с. 84].

Первая вставная конструкция вводит дополнительную информацию по отношению к словосочетанию *самые степенные казаки*, где се-

мантика прилагательного *степенный* «рассудительный, серьезный, солидный» [26, т. 4, с. 261], которую, ко всему прочему, усиливает местоимение *самый*, обозначающее наивысшую степень качества, свидетельствует о серьезности и благоразумии мужчин. Тем не менее ракурс восприятия содержания контекста неожиданно меняется при прочтении информации вставной конструкции, указывающей, напротив, на несерьезность отношения мужчин к женщинам, безразличие к их внешности. Вторая вставная конструкция выполняет идентичную функцию, то есть, взаимодействуя с базовым предложением, служит актуализации иронии. Прагматическая установка автора связана с желанием высмеять как поведение мужчин, так и разгульный образ жизни женщины.

Несколько иные прагматические установки автора реализуются при актуализации иронии посредством вставной конструкции в следующем контексте из повести «Нос»:

Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень лобившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

— Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, — сказал Иван Яковлевич, — а вместо того хочется мне съесть горячего хлеба с луком.

(То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.)» [24, с. 36].

В приведенном отрывке автор иронизирует над отношениями между петербургским цирюльником Иваном Яковлевичем и его женой. Авторское дополнение, заключенное во вставной конструкции, поясняет авторитарный характер супруги, с одной стороны, и вполне законное желание мужа полноценно позавтракать — с другой. Прагматическая установка автора направлена на критику полного подчинения супруга жене, однако имеет все-таки характер незлобивого подтрунивания над героями повести.

Легкая ироничная насмешка автора реализуется посредством использования им вставной конструкции также в отрывке из поэмы «Мертвые души»:

Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы *(нужно заметить, что вообще все дамы города N. были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что толщины никак нельзя было приметить)* [23, с. 198].

Авторская ирония в приведенном отрывке направлена на подтрунивание над дамами, женами чиновников, собравшимися на балу: высмеиванию в данном случае подвергается внешность дам. Так, выражение *приятные для глаз формы* поясняется посредством информации из вставной конструкции *несколько полны, шнуровались искусно, имели приятное обращение*, за счет чего и возникает смысловое рассогласование в анализируемом контексте.

Следующий контекст представляет собой пример реализации иронии с помощью вставной конструкции, содержание которой выступает в качестве дополняющей информации по отношению к предыдущему отрывку текста, а прагматическое намерение автора носит характер подшучивания:

– Ей-богу, Иван Иванович, с вами говорить нужно, гороху наевшись. (*Это еще ничего, Иван Никифорович и не такие фразы отпускает.*) Где видано, чтобы кто ружье променял на два мешка овса? Небось бекеши своей не поставите [22, с. 317].

30

Дополнительная информация, содержащаяся во вставной конструкции, выполняет оценочную функцию и впоследствии служит раскрытию образа персонажа повести Ивана Никифоровича. Автор посредством вставной конструкции и просторечного фразеологизма с пометой иронии *гороху наевшись*, то есть «обладая огромным терпением, выдержкой (говорить)» [25, с. 391], косвенно подчеркивает сварливый характер героя повести, колкость его изречений. Кроме того, употребленный во вставной конструкции в переносном значении глагол *отпускать* «сказать что-л. остроумное, неожиданное или не вполне уместное» [26, т. 2, с. 703] в составе словосочетания фразеологического типа усиливает иронический эффект в контексте.

В приводимом ниже отрывке из повести «Старосветские помещики» прагматическая установка автора направлена на незлобливое подшучивание над персонажами и выражение им сочувствия. При этом вставная конструкция служит неожиданной детализации содержания предыдущего предложения, что обуславливает возникновение иронического смысла:

Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. <...> Гость никаким образом не был отпускаем того же дня: он должен был непременно переночевать.

– Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу! – всегда говорила Пульхерия Ивановна (*гость обыкновенно жил в трех или в четырех верстах от них*) [22, с. 176].

Вставная конструкция выполняет в контексте информационную функцию уточняющего характера по отношению к словосочетанию *такая дальняя дорога* (*дальний* – «находящийся, происходящий на большом расстоянии» [26, т. 1, с. 363]), в котором значение лексемы *дальний* усиливается за счет указательного местоимения *такая*, что способствуют возникновению в контексте смыслового разрыва, противоречия: с одной стороны – *отправляться в такую дальнюю дорогу*, с другой – *жить в трех или в четырех верстах*, то есть недалеко (примерно в трех-четырёх километрах). Прагматическая установка автора направлена на незлобное подтрунивание над старосветскими помещиками: над их чрезмерным обхаживанием гостя, невероятным желанием угодить ему и задержать у себя подольше. Ирония в этом случае имеет статус не уничижения, а, напротив, сопереживания по отношению к героям повести.

Проведенный анализ показал, что в произведениях Н.В. Гоголя вставные конструкции как маркер иронии выполняют разнообразные функции, не ограничиваясь монофункциональностью при актуализации иронии в определенном контексте. Играя роль уточнения или дополнения по отношению к базовому контексту, они осуществляют эмоционально-экспрессивную и оценочную функции, создавая тем самым иной ракурс повествования и восприятия информации, в некоторых случаях прямо противоположный смыслу поясняемого или дополняемого слова, словосочетания, предложения или отрывка. Это объясняется прежде всего тем, что категория иронии включает в себе оценку, а целью иронии является эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата. Причем актуализация иронии посредством вставных конструкций в произведениях Н.В. Гоголя осуществляется на основании возникающего противоречия между смысловой составляющей вставной конструкции и контекстом, который она поясняет или дополняет. При этом вставные конструкции как экспликативы иронии служат реализации определенной прагматической установки автора, отражающейся в произведениях Н.В. Гоголя, как показал анализ, в таких оценочных категориях, как незлобное подшучивание и высмеивание, язвительная насмешка и резкая критика.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.
2. Брандес М. Стилистика немецкого языка. М., 1983.
3. Ваулина С. С., Булатая Е. В. Текстовые средства экспликации иронии как компонента авторской модальности в произведениях Н. В. Гоголя // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №4 (58). Ч. 2. С. 20–23.
4. Воробьева К. А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
6. Гомлешко Б. А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (31). С. 11–13.
7. Дырин А. И. Ирония и сарказм как речезыковые средства отражения морально-этических ценностей британского социума (на материале произведений современной художественной британской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
8. Желватых Т. А. Текстовое представление иронии как интеллектуальной эмоции (на материале драматургии и прозы М. А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.
9. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
10. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания иронии в повести С. Довлатова «Ремесло» // Ярославский педагогический вестник. Сер. Гуманитарные науки. 2010. №3. С. 166–169.
11. Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2014. №1. С. 88–92.
12. Мартынова Е. В. Вербальная репрезентация иронии как категории комического (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

13. Петрова О. Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиоматических Ч. Диккенса и У. М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 36. С. 73–77.

14. Петрова О. Г. Языковое и экстралингвистическое в иронии как компоненте идиоматического писателя (на материале произведений У. М. Теккерея и Ч. Диккенса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

15. Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной литературе конца XIX–XX века) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.

16. Просянникова О. И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы (на материале английского психологического рассказа XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. ; Пушкин, 2004.

17. Салихова Н. К. Контекстно-ситуативные условия реализации стилистического приема иронии и его функционирование // Научные труды Пединститута иностранных языков. 1976. Вып. 198. С. 68–75.

18. Самыгина Л. В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013.

19. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск, 1981.

20. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. М., 2003.

21. Чумак В. В. Прагматика языка иронических высказываний в драматургических произведениях английских и американских писателей XX века (в подлинниках и переводах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

Источники

22. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки ; Миргород. Минск, 1980.

23. Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1972.

24. Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. Л., 1983.

Словари

25. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М., 2008.

26. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

Об авторе

Елена Васильевна Булатая — канд. филол. наук, доц., Барановичский государственный университет, Республика Беларусь.

E-mail: bulataya87@mail.ru

The author

Dr Elena V. Bulataya, Associate Professor, Baranovichy State University, Republic of Belarus.

E-mail: bulataya87@mail.ru